

Альбина Гумерова

ПЕРЕД
СОЛНЦЕМ
В ПЯТНИЦУ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ БРАНЬ

18+

АЛЬБИНА ГУМЕРОВА

ПЕРЕД СОЛНЦЕМ В ПЯТНИЦУ

ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ДОМ

Москва, 2021

УДК 821.161.1-32
ББК 84(2Рос=Рус)6
Г94

*Составитель серии Андрей Геласимов
Дизайн обложки Алены Геласимовой*

Гумерова А.

Г94 Перед солнцем в пятницу: [сборник]. — М.: ИД «Городец», 2021. — 272 с. — (Серия «Ковчег»).

«Перед солнцем в пятницу» — вторая книга прозаика и драматурга Альбины Гумеровой, куда вошли рассказы разных лет и повесть, посвященная отцу. Героев этой книги объединяет надежда на лучшую жизнь, все они так или иначе стремятся к счастью, внутреннему покою, гармонии, которых достигают не столько путем улучшения внешних обстоятельств, сколько благодаря работе души. «Чтобы жить, чтобы сберечь в себе Человека, нужно заставить душу работать, даже пахать!» — говорит Альбина Гумерова, напоминая нам: душа красива у всякого, душа способна на чудо, на великие перемены. Только мы забыли об этом. Не желаем думать, чувствовать, любить, принимать, смиряться, помогать ближнему — и потому глубоко несчастны...

И даже если в четверг не будет дождичка, то в пятницу непременно выглянет солнце, и жизнь, какой бы она ни была — уже сама по себе прекрасная, — обязательно продолжится.

ISBN 978-5-907220-85-0

© А. Гумерова, 2021
© ИД «Городец», 2021

РАССКАЗЫ

Родился. Женился. Умер

Деду

Был он не первым и не последним в семье. Родился — родился, обычное дело. Назвали Шагитом. Он получил нужную порцию материнского молока, потом начал питаться тем, что готовили в большом котле для всей семьи. Шагит еще не ходил в школу, когда началась война. В первые же месяцы к ним в деревню привезли горстку замученных дорогой, некогда перепуганных, а теперь уставших, равнодушных людей и расселили по деревенским домишкам.

В огромную семью Шагита попала русская женщина по имени Рая. У нее была дочь десяти лет. Им выделили угол за печкой и отгородили ситцевой занавеской. Рая не понимала татарскую речь хозяев, очень стеснялась, думая, что говорят о ней. Но все, что перепало в ее адрес, — это несчастное «маржа»¹.

Шагит подружился с дочерью Раи и пытался говорить с ней на русском. Она с ним — на татарском. Часто объяснялись жестами, а позже понимали друг друга с полувзгляда. Родителям не нравилась эта странная дружба — многие деревенские татары

¹ Обращение к русской женщине (*татар.*).

считали русских ужасно неаккуратным и нечистоплотным народом. Раю тоже не жаловали, однако ели все за одним столом и после работы не брезговали пищей, приготовленной «грязными» русскими руками.

У дочери Раи не было ни галош, ни лаптей, и это вынуждало ее ходить в школу босиком. Поздней осенью Шагит, спрятавшись за воротами, быстро снимал свои галоши, помогал обуться ей, а сам шлепал в школу по холодным октябрьским лужам. И однажды увидел, как ее маленькая озябшая ножка с трудом удерживает галошу, которая при ходьбе хлопает девочку по пятке. Дружба их заметно испортилась, потому что Шагит влюбился. Теперь он дразнил ее босые ноги, рассказывал в классе, что постояльцам не на что купить обувь. Он больше не хотел играть с ней, старался ее всячески обидеть, ущипнуть, напугать. Однажды подбросил ей дохлого мышонка под подушку. Но как только наступала ночь, и все мальчишки этой большой семьи укладывались спать на полу, Шагит, который раньше боялся ложиться с краю, теперь занимал место именно там, тихо и замороженно смотрел на голые девчачьи ножки за ситцевой занавеской, укрывшись до носа одеялом. Двадцать сантиметров от пола до края занавески позволяли увидеть чуть выше щиколотки.

Когда война закончилась и Рая с дочерью уехали, Шагит убежал в поле. Припелся вечером с красным лицом, получил от отца ложкой по лбу, лишился из-за опоздания ужина и простоял два часа в углу. Больше он не видел ни Раи, ни ее дочери.

После школы он покинул родной дом и поступил в профтехучилище на шофера. Вся жизнь он проведет за баранкой грузовика, вращая руль то вправо, то влево...

...Если бы в то время вышел фильм «Титаник», на Шагита набрасывались бы сумасшедшие девочки: он был страшно похож на Ди Каприо, просто один в один — такой же непослушный вихор надо лбом, светло-голубые глаза, не по-деревенски белая аристократическая кожа. Вся эту красоту украшала ли,

омрачала — странная грусть в глазах. Его младший брат, напротив, был веселый малый. Только ростом ниже и острый на язык. С первого взгляда их можно было принять за близнецов, у них и имена были созвучные: Шагит — Шаукат.

Шаукат тоже приехал в Казань и поступил на шофера. Братьев поселили в одну комнату в общежитии. Младший был душой компании — постоянно шутил, рот у него не закрывался даже во сне. Молчаливого Шагита очень раздражал брат-говорун.

Как-то раз на их общие деньги Шаукат купил подержанный фотоаппарат и фотохимикаты. Шагит был недоволен, но неожиданно увлекся. Ему нравилось фотографировать деревья, нравился щелчок, издаваемый спуском, нравилось купать бумажки в специальной жидкости и смотреть, как на них проступает картинка. Эти мгновения он больше всего ценил. А сами фотографии ничего для него не значили — он их выбрасывал или раздавал знакомым.

Шагита тяготила жизнь в общежитии. От природы очень брезгливый и какой-то заранее уставший, он любил стерильную чистоту и одиночество.

Свою женщину он заметил, когда их группу отправили в район убирать картошку. Они с братом просились поехать домой, ведь там им предстояло делать то же самое, но их не пустили. Шагит терпеть не мог батрачить бесплатно. Но вынужден был каждый день видеть одни и те же лица, одну и ту же картофельную ботву и, если повезет, держать в руках одну и ту же «блатную» легкую и острую лопату.

Каждое утро автобус привозил галдящих учащихся в поле. Обед готовила девушка с длинными черными косами. Ее ждали с самого утра. В большой алюминиевый котел опускался половник, и в миске оказывалась горячая похлебка. Когда подходила очередь Шагита, он смотрел, как ее черные косы болтаются над котлом, боялся, что туда упадет волос. Получив обед, Шагит отходил в сторону, нюхал, рассматривал, потом только осторожно ел.

С полевой поварихой Шагит однажды пошел гулять. Потом еще раз, потом еще... Они почти ни о чем не говорили, просто бродили близ деревни. Их пару раз видели ее родители и тихо радовались. Глаза у девушки были черные, как и ее косы. Они с Шагитом являли собой два полных противоречия: он, хоть и вырос в деревне, уже давно стал городским, а она никуда еще не выезжала. Их объединяла какая-то непонятная, несвойственная молодым печаль.

Шагит фотографировал полевую повариху в саду. Эти фотографии хранятся и по сей день: девушка ест яблоки, сидя на дереве; стоит, обнимая худенький ствол; сидит под яблоней, а ее легкая широкая юбка раскинулась на желтеющей траве. Шагит купал бумажки в темной комнате и дарил девушке фотографии. Скоро их накопилась целая пачка.

Однажды стряпуха рассказала ему, что в детстве нечаянно убила свою младшую сестру. Мать отправила восьмилетнюю девочку одну с трехлетним дитем на базар в надежде, что ребенка с ребенком пожалеют, проникнутся сочувствием и дадут больше, чем позволяют деньги. Была поздняя осень, старшая сестра, толкая впереди себя самодельную тележку с ребенком, спустилась к озеру поиграть с другими детьми. Не уследила — малышка залезла в воду. Вместо того чтобы бежать домой, девочка, боясь, что ее отругает мама, долго еще ходила по улицам с мокрой сестрой, надеясь, что та высохнет. Ребенок подхватил воспаление легких и вскоре умер.

После этого рассказа Шагит решил жениться на ней. Только перед свадьбой он узнал, что однажды она уже почти вышла замуж, но от нее в последний момент отказались. А она отказалась быть матерью без мужа. Шагита это не остановило, он взял и женился на ней с угрозой пожизненной бездетности.

Полюбил ли он ее? Да и она не особо стремилась выйти за него замуж. Ей не хотелось второго позора. Они сыграли свадьбу, короткую и довольно тихую, без разгула и широты, и уехали.

Она увезла с собой пачку фотографий, два платья и огромную подушку, битком набитую гусиным пухом, — свое приданое.

* * *

Шагиту дали домик в поселке Мирный — небольшая комната и маленькая веранда. Шагит ездил в город на работу. Жена его, окончившая четыре класса, устроилась на завод точного машиностроения. При необходимости оставалась после смены, на работу не опаздывала. А Шагит мог проспать, прийти нетрезвым и никогда не перерабатывал положенные часы, однако же, его не увольняли.

Осенью тысяча девятьсот пятьдесят восьмого у них родился сын. Через три года родилась и дочь. Дети были очень похожи друг на друга и на своего отца. Жене тяжело было справляться с двумя детьми, поэтому из деревни перевезли ее мать. Шкафом отгородили тещин угол, где разместились железная кровать с прыгучей решеткой и тумбочка для разных старческих принадлежностей. Сам Шагит с женой и дочерью спали на высокой кровати, сын — рядом на диване.

Шагиту душно было в таком пространстве, и он всячески старался задержаться где-нибудь после работы, а в выходные куда-нибудь уехать. У него не было настоящих друзей. Кое-кто из соседей пытался сблизиться с ним, но Шагит никого в свою душу не впускал, лишь перебрасывался парой слов на садово-огородную тему.

На краю улицы была «самогонная» избушка. В ней жила кудесница, которая продавала огненную воду. Прозвали эту кудесницу Пистимией. Одинокая, жадная, скрытная, всегда понимающе относилась она к опухшим, трясущимся, небритым мужикам и давала в долг. Неуплаты не боялась — они добросовестно возвращали все, что были должны. Кое-кто даже сдавал назад пустую тару.

Шагит стал ее постоянным клиентом. Иногда он не ждал у забора, как другие, а заходил во двор, прикрыв за собой ворота. Часто выходил обратно только через час. Вероятно, они ждали, когда самогон накапает в бутылку.

По определенным числам, которые члены семьи знали наизусть, Шагита можно было увидеть на краю улицы. Его заносило то в одну, то в другую сторону. Сын и дочь играли у ворот. Завидев отца у начала улицы, они бежали домой, предупреждали мать и бабушку, а когда открывались ворота, Шагит еще долго ругал собаку во дворе, затем входил в дом, где перепуганные дети широко улыбались и радостно кричали ему: «Папа пришел, ура!» Теща — маленькая старушка в белом платке — робко выглядывала из-за своего шкафа и тоже приветствовала зятя. Жена, все с теми же черными косами, только теперь убранными на затылок, предлагала ему отужинать.

Она поначалу прятала синяки, говорила, что упала в темноте. Шагит уходил в запой на неделю, а когда нужно было садиться за руль, завязывал и спокойно шагал мимо дома Пистимии. Сила воли у мужика была железная. Как только выдавалась свободная неделя — снова в запой. Пел песни или ругался. А порой наматывал на руку волосы жены и таскал ее по всему дому, а то и по двору. Сын смотрел на это исподлобья, однажды он подбежал сзади и стал бить отца маленькими детскими кулачками в спину, но отец этого не заметил.

Лишь в семнадцать сын впервые ударил отца уже как мужик мужика. После этого они не разговаривали, а женщины старались сгладить конфликт. Как только сын пошел в армию, отец принялся мстить жене за побои сына, про что она, конечно, не писала ему в письмах.

Однажды супруги завели теленка, и нужно было заготовить для него сено. Шагит взял косу, тележку, спустил с цепи собаку и отправился с нею в лес. Его не было очень долго. Далеко за полночь прибежал пес и принялся лаять у ворот. Его впустили, а жена

вышла и стала вглядываться в темноту, пытаясь высмотреть мужа. Он появился только минут через пятнадцать. На тележке большой мешок, битком набитый свежескошенной травой. Шагит прошел в сарай, вытряхнул его. Жена хотела помочь разложить сено, но Шагит велел ей идти в дом, а сам, убедившись, что она ушла, лег лицом на траву и долго лежал...

* * *

Вернулся из армии сын, женился. Дочь тоже вышла замуж. Теща уехала доживать в деревню. Шагит с женой остались вдвоем. Вскоре сын расширил родительский дом: появились еще одна комната, огромный коридор, просторная веранда, кухня. За две недели во дворе выросла баня. Шагиту теперь принадлежала целая комната. Он постоянно уединялся там. Жена обитала на кухне или в огороде. Спала в новой комнате, отдельно от мужа. Сын подарил им первую внучку. Потом дочь друг за другом родила девочку и мальчика. Летом внуков привозили к бабушке и дедушке на свежий воздух. Когда радостные внуки бежали обнять бабушку, она целовала их, а потом тихо и опасно шептала на ухо: «Идите с дедушкой поздоровайтесь». Старшая обнимала деда, потому что так велела бабушка. Он будто заинтересованно спрашивал: «Как год закончила?» Внучка отвечала: «Без троек». Иногда Шагит смешно вытягивал губы, и до нежной детской кожи дотрагивалось нечто мокрое, колючее и неприятное, и это хотелось скорее вытереть.

Когда Шагит вышел на пенсию, запои стали чаще. Его не заботил приезд внуков, он ругался, выгонял всех, проклинал жену. В пьяном состоянии в нем просыпалась особая ненависть к ней. Он обвинял ее во всем: от невкусного обеда до высоких цен в магазине. Ему мерещилось, что она ему изменяет, и всякий раз он вспоминал случай из ее далекой молодости. Пенял, что взял ее не девушкой. Совсем рассвирепев, он мог ударить и внуков. Тогда они вместе с бабушкой прятались на чердаке.

Шагит долго и неразборчиво бормотал и провалился в поверхностный пьяный сон. Жена, наступая на выученные наизусть нескрипучие половицы, тихо прошла в свою комнату. Половицы знал и кот Рыжик — некоторые скрипели даже от его лап. Женщина тихо глядела в темноту, постепенно глаза ее закрывались... Ей снилось поле, большая кастрюля с горячим супом, которая вдруг увеличилась. Женщина тонула в густом бульоне, ей было невыносимо горячо, а гигантские макароны, словно водоросли, путались в ногах, не давая всплыть.

Из соседней комнаты послышалось пьяное бормотание. Женщина вмиг проснулась. На всякий случай выскользнула на кухню в одной ночнушке. На печке спал кот. От стены до печки было не более полуметра. Закрывая темный угол, на бечевке висела такая же занавеска, как на окнах. Шаги мужа уже приближались, она привычно встала между печкой и стеной, за занавеску, придвинув табурет, чтобы ноги не бросались в глаза.

Шагит прошел сначала в спальню, включил свет, увидел пустую кровать, вышел на кухню. Нащупал на стене выключатель, вспыхнула лампочка. Шагит стал звать жену. Сел, кое-как прикурил сигарету. «Карчык², ты где?»

Вдруг мужчина осекся. Взгляд его упал на табурет, позади которого он увидел ноги за занавеской. Где бы ни пряталась от его злой руки жена, он везде ее находил, вытаскивал за волосы. А тут вдруг уставился пьяными голубыми глазами и не мог пошевелиться. Потом открыл дверь на веранду, и очень скоро стало холодно. «Ты где, карт тэре?» — повторил он автоматически.

А жена стояла за печкой, надеясь, что он не найдет ее. Вдруг Шагит положил руки на стол, опустил голову и затих. Всю ночь простояла женщина на холодном полу босиком, а он сидел на кухне, иногда смотрел на голые ноги своей жены и задавал все тот же вопрос: «Где ты?»

² Старуха (татар.).

* * *

Жена Шагита очень любила цветы. Они были везде — на подоконниках, в палисаднике, в огороде. Дом утопал в цветах. Иногда хозяева держали кур и одного петуха. Ящик с цыплятами выносили в огород и ставили у грядок с викторией. Цыплята щебетали в ящике, радуясь солнцу. Жена Шагита большой тяжелой лейкой поливала помидоры в парнике. Шагит был в тот день трезв. Стоял и курил, прислушиваясь к цыплятам. Вдруг жена его упала, тяжелая лейка с водой задела ей ногу. Вода не успела убежать далеко — иссушенная земля с жадностью ее впитала.

Шагит подбежал к жене. Глаза ее широко раскрылись, она пыталась что-то сказать, но слова превращались в мычание. Хотела поднять руку, рука не послушалась.

Через минуту все прошло. Жена встала, сама дошла до кровати и легла. Вскоре микроинсульт повторился. Дети положили ее в больницу.

К ней приезжали каждый день. Она не ела больничную еду — все самое свежее, горячее приносили дочь и сноха. На третий день сын привез Шагита. Соседки по палате разом запахнули потуже халаты, оправили волосы. Шагит сел на стул рядом с кроватью, жена спросила: «Как там цыплята?» Он ответил, что кормит. Далее была суета со сменой белья, со свежей едой, разговор с лечащим врачом. Больше Шагит с женой не обмолвились ни словом.

Настал день выписки. Дома готовилась вкусная еда. Сын купил цветы и поехал забирать мать из больницы. Она уже собрала вещи, попрощалась с соседками по палате, поблагодарила врачей. «Сейчас, только в туалет сбегая», — сказала она сыну.

Она упала прямо на свежeweмытый линолеум. Успела почувствовать запах хлорки. Прибежала сначала медсестра, затем лечащий врач. Мимо сына с грохотом провезли его мать. Она находилась в реанимации четыре дня. Шагит ожидал, что так случится. Потому внешне оставался спокойным.

Его жену привезли на седьмой день. Женщина не открывала глаз. Когда ее переложили на кровать, казалось, что она спит и вот-вот проснется. Внуки держали ее за горячие руки и твердили в два уха жалобными голосами: «Дәүэни³, ну проснись!» Старшая внучка понимала всю серьезность положения, она укунала лицо в бабушкину горячую ладонь и старалась запомнить это ощущение, навсегда сохранить в памяти ее запах. Дочь и сноха меняли белье, сын ездил в аптеку, привозил шприцы, бутылочки с уже бесполезными лекарствами. Шагит почти все время находился в своей комнате. Единственный, кто не держал умирающую за руку. Стоял возле двери и смотрел на свою жену. Именно сейчас он почему-то любил ее, любил насколько мог. Он знал, что будет терять ее постепенно, проживая каждую секунду этой потери. Жесткие черные волосы его жены заплели в косу, и коса эта свисала с кровати. Очень заманчиво — бери и наматывай на руку, бери и таскай по всему дому, бери и расплетай, и перебирай пальцами волосы, бери и запоминай, какие они, какая она вся — покорная, сильная даже во сне, с вечным чувством вины и стыда.

Шагит уходил в свою комнату. Снова выходил, смотрел... Он поливал ее цветы по вечерам, чего раньше никогда не делал, кормил никому уже не нужных цыплят. В его голове, должно быть, рисовалось будущее: вряд ли жена встанет с постели, вряд ли она вообще придет в себя. И останется пустой дом, цветущий ароматный сад, кот Рыжик, цыплята, пачка хрупких фотографий, шпильки для волос...

И останется Шагит. Один, чего всегда хотел. На самом деле все не так плохо, жене уже семьдесят — когда-нибудь она должна умереть?

Только не сейчас! Шагит не мог остаться один. Он не готов к этому! Он всегда говорил, что первым должен умереть обязательно он. А она еще хотя бы лет пять проживет без него, в свое

³ Бабушка (*татар.*).

удовольствие, забудет о чердаке, о печке, без страха будет ходить и скрипеть половицами, смотреть по телевизору свои сериалы, которые так раздражали его...

Она умерла в ночь на семнадцатое июля на руках у снохи. Умерла, так и не придя в себя. Еще можно было потрогать жену, пока она оставалась по-человечески теплой. Но Шагит не приблизился к ней.

Днем были похороны. Солнечно, вся улица собралась. Даже Пистимия, оставив без присмотра свой самогонный аппарат, пришла проститься. Бывшие сослуживцы с завода, где жена проработала более сорока лет, какие-то ее подруги, приятельницы... Некоторые плакали. Но больше всего Шагита раздражали те, кто слезы сдерживал из последних сил. Он видел, что им по-настоящему плохо, смерть его жены для них утрата.

Могила была уже готова, отец с сыном спустились в нее и приняли тело — это было единственное прикосновение Шагита к своей мертвой жене. Им подавали доски, они расставили их, затем по очереди выбрались. Рабочие кладбища замахали лопатами, сделали бугорок и воткнули дощечку с номером. Рядом с могилой его матери было заранее куплено место. Шагит решил, что оно для него, и улыбнулся тому, что когда-нибудь ляжет рядом...

* * *

...Шагит жил один. Сам готовил себе обед, сам стирал. Внуки были теперь редкими гостями, да и дети тоже. Сын все же простил отца — приезжал, привозил продукты, помогал деньгами, ремонтировал дом. Очень редко приезжала дочь, готовила суп в большой кастрюле, махала мокрой тряпкой по полу, возила веником по половикам и отчаливала.

Огород превратился в унылый клочок земли. Дом стремительно становился сараем. И Шагит старел вместе со своим хозяйством. Наперегонки они дряхлели, теряли достоинство, морщились, рассыпались...

Как и прежде, Шагит нашел единственно верный способ. В доме частым гостем стал его брат-говорун. Он появлялся в день пенсии, поил брата, а потом уходил с деньгами. Иногда снисходительно оставлял на оплату коммунальных услуг и даже на продукты. Шагит знал это, но все же ждал дня пенсии, ждал брата, прятал деньги в другое место, понимая, что они все равно будут найдены. Но зато в дом зайдет человек, можно будет разговаривать не только с котом. Видимо, брата слегка заела совесть, потому что месяца четыре его не было. Редкий приезд детей совпал с запоем. Когда Шагит трезвел, вокруг не было ни души. Только соседи, которые иногда здоровались с ним через забор. Одиночество, к которому он так стремился, тяготило его.

Шагиту казалось, что ворота совсем непрочные, что его хотят убить, что ночью в дом неизвестно каким образом пробираются черные люди. Чтобы защититься от черных людей-убийц, Шагит прятал под кроватью топор, просыпался ночью от собственного пьяного бреда, вскакивал, хватал топор, забивался с ним в угол, как волчонок, и рубил воздух со словами: «Я еще живу, я еще здесь, это мой дом!» Однажды он разрубил диван, на котором жена раньше смотрела телевизор. Потом долго отмывал чистый топор от крови, закапывал в огороде подушки, одеяла. Вдруг с соседнего огорода послышался веселый голос: «Кого хороним, дядя Саш?»⁴ У Шагита еще больше затряслись руки, он каждую минуту ждал полицию, заперся на все замки, не выходил из дома даже в туалет. К нему несколько раз приходили люди в форме, пытались проникнуть в дом, Шагит кричал, что это не он убил черных людей и что он так просто не сдастся. Когда ему показалось, что полиция уже взломала замок и вошла в дом, он спустился в погреб и долго сидел там в обнимку с топором.

...Когда белая горячка проходила, он осознавал свое несчастье и одиночество, ему нечем было укрыться — все одеяла были

⁴ Все русские называли Шагита Сашей.

погребены, и он укрывался старыми телогрейками, просыпался от холода и от жуткого, но уже реального звука: под домом завелись крысы. Раньше они будто не решались осквернить уютный дом своим присутствием. Теперь же решили, что здесь им самое место. Под кроватью все еще лежал топор, хотя Шагит знал — он не понадобится, многие брезговали даже во двор войти. А крысы мешали спать. Шагит слышал, как они в погребке делят его картошку, которую привез сын, дерутся, совокупляются, рожают... Они шастали по двору, увидев хозяина, вроде как пугались, а вскоре перестали. И спокойно выходили на кухню пить, прыгали по мебели, залезали даже в шифоньер и спали на вещах.

Их стало так много, что соседи забили тревогу. Шагит даже не пытался их морить. Пришел брат и разбросал по дому и огороду отраву. Но она мало помогала. Тогда пошли на совсем жестокое ухищрение: толченое стекло смешали с фаршем, и крысы, нажравшись, умирали от колик. Их трупы Шагит подобрал лопатой, свалил в кучу, полил керосином и поджег. И вновь остался в своем доме один.

Однажды утром он вдруг легко открыл глаза и вскочил с кровати, словно ему тридцать, а не семьдесят. Почему-то не ныли кости и голова была ясной. А главное, на сердце легко, уютно, будто вся жизнь еще впереди. Шагит чувствовал в себе силы и совсем не хотел есть. Сделав глоток воды, он оглядел комнату и сию минуту принялся наводить порядок: вытащил и развесил на заборе коврики и половики, хорошенько отколотил их, затем мыл окна и полы, чувствуя, как воздух в доме меняется, будто тоже молодеет вместе с ним. Но из зеркала на него вдруг взглянул лохматый белобрысый старик, и Шагит удивился. Он поехал в парикмахерскую. Странно на него там посмотрели, но все же подстригли белую бороду и волосы.

На следующий день Шагит стирал свою одежду. Зашел к соседям и позвонил дочери — позвал в гости вместе с внуками.

Обещал, что не будет пить, сказал, что затопил баню. Сходил в магазин и купил торт.

Никто не приехал. Не приехали и в следующие выходные. И Шагит понял, что состарился и ничего не может с этим поделать. Он разулся и прошелся босой по двору. Истопил баню. Вспомнил голые ножки военной девочки. Как ни силился, лица припомнить не мог.

А вот лицо жены он помнил хорошо. Шагит отыскал пачку пожелтевших уже фотографий. Он перебирал их осторожно, разложил на столе. Чернокожая девушка ест яблоко, обнимает ствол дерева...

Баня уже подошла, Шагит разделся, набрал в тазик воды. Долго и тщательно мылся, разбрызгал пену по стенам. В предбаннике на лавочке осталась чистая ветхая одежда, которую он собирался надеть. В холодильнике стоял торт. А половики и коврики так и висели на заборе.

Стакан из-под кефира

Перед сном мать давала сыну чуть теплый кефир в граненом стакане. Степа выпивал и долго смотрел на стакан — после кефира он очень интересный, не то что после молока. Степе почему-то нравились белые прожилки, которые оставались на стакане после кефира, даже не просто нравились — радовали его, вызывали необъяснимый приступ счастья, а вот почему — он не знал.

В гостиной отец смотрел телевизор и, постелив на пол газетку, большой лохматой щеткой начищал обувь всей семьи. В кухне мать громко домывала посуду. В маленькой комнатке бабка, укладываясь ко сну, едва слышно не то ворчала, не то молилась.

За ночь стакан из-под кефира подсыхал. Утром Степан открывал глаза, брал стакан, бережно касался белых дорожек. В комнату входила мать, вешала на стул одежду для сына и уносила стакан из-под кефира. Как же Степе не хотелось отдавать его, но мать свою он и обожал, и побаивался, а потому не противился, чтобы лишний раз не огорчить ее, не любил, когда она бывала печальна или сердита.

— Пусть сам одевается, не помогайте! И постель сам пусть заправит.

Мать спешила на кухню, где на медленном огне жарилась, чуть подрагивая, яичница. Бабушка вздыхала, стоя в дверях детской, глядела какое-то время на внука:

СОДЕРЖАНИЕ

РАССКАЗЫ

Родился. Женился. Умер	5
Стакан из-под кефира	19
Взгоды и урядицы.....	34
Владимир.....	76
Профуршетка.....	83
Эльбрус. Перезагрузка	98
Совместные планы на прошлое.....	120
Мы, жильцы четвертого	139
Ровно тридцать лет и три года.....	149
Пальтишко серенькое	160
Баба Зина	170
Второй, девятый этажи	181

ПЕРЕД СОЛНЦЕМ В ПЯТНИЦУ

Повесть	223
---------------	-----

Читайте книги ИД «Городец»

Альбина Гумерова
«Дамдых». Роман

«Женщина чувствует, мужчина думает. Шея управляет головой. У женщины прекрасное, но не ведущее место в мире, потому что мир мужской. Так было, есть и, надеюсь, будет. В мире, где правят женщины, я жить не хотела бы», — говорит Альбина Гумерова.

«Дамдых» — книга о женщинах, о том, как они любят, ненавидят, радуются, страдают, ошибаются, не знают, что делать дальше.

Кто является лирической героиней Альбины Гумеровой? Скромная, нежная, покорная, сильная духом, такая, до которой нам далеко. Героини ее рассказов и повестей не идеальные, но в них есть какая-то чистота и искренность. У них можно многому научиться. Возможно, и вы захотите, чтобы рядом с вами была такая подруга или сестра.

Интернет-магазин gorodets.ru

Читайте книги ИД «Городец»

Андрей Геласимов
«Чистый кайф». Роман

«Чистый кайф» — блестящий, волнующий роман о жизни культовых рэперов, а также о любви, о том, что такое любовь истинная и ложная. О том, что настоящая любовь может быть высшей ценностью для человека. О степени доверия к тому, кто рядом. О верности и предательстве. Об отчаянии, лишаящем человека рассудка. О безжалостном влиянии страсти, которая никогда не прислушивается к голосу разума, а управляет людьми и ломает судьбы. Автор погружает читателя в малейшие оттенки чувств героев, передавая события через их восприятие, движения души, эмоции, настроение.

Жизнь кумиров всегда вызывала интерес у поклонников. Но знаменитости — такие же люди, со всеми присущими людям достоинствами и пороками. Андрей Геласимов правдиво, без прикрас, на примере своих героев сумел проследить жизнь целого поколения. Книга, без сомнения, будет интересна самому широкому кругу читателей.

Интернет-магазин gorodets.ru

Читайте книги ИД «Городец»

Нина Курилло

**«Девять месяцев одного года, или Как Ниночка
Ниной Серафимной стала». Роман**

«Девять месяцев одного года» совмещает в себе черты школьной повести и любовного романа, однако школу жизни проходят не столько ученики, сколько учительница элитного экстерната — двадцатидевятилетняя Ниночка. Ниночка не отличается ни необходимым преподавателю альтруизмом, ни грамотностью, хотя и любит читать. К тому же она совсем недавно рассталась с мужем.

Календарь романа выстроен «по авторам» школьной программы, которую заново осваивает героиня, воспринимая ее «по-домашнему»: на собственную жизнь она теперь смотрит сквозь призму художественных произведений, анализ которых часто выливается в воспоминания героини или размышления о высоких материях — сумках и обуви, любви и предательстве, юности и зрелости. Ниночке предстоит пережить ряд личных катастроф, отпустить свою юность, встретить новую любовь и стать настоящим профессионалом — Ниной Серафимной.

Интернет-магазин gorodets.ru

Читайте книги ИД «Городец»

Дарья Еремеева
«Родственные души». Сборник

Сборник рассказов «Родственные души» привлечет внимание как любителей легкой юмористической прозы, так и тех, кто соскучился по старому доброму психологическому реализму. Короткие истории первой части сборника, пусть и озаглавленной «Легкие рассказы», не так уж и легкомысленны, они затрагивают болезненные вопросы нашей повседневной жизни. Герои рассказов второй части (названной «Простые рассказы») — актер, медсестра, переводчик, историк, журналист, музыкант, филолог, клерк, рыбак, учитель — ищут то, что в конечном итоге ищем мы все: спасения от одиночества. И спасение возможно, если пощастливится найти в нашем жестоком, но все-таки прекрасном мире хотя бы одну «родственную душу». Поиски эти описаны наблюдательным автором со знанием жизни и людей и, что главное, освещены теплым светом гуманизма — таким редким в нашей теперешней литературе.

Интернет-магазин gorodets.ru

Читайте книги ИД «Городец»

Виктория Лебедева

«Как он будет есть черешню?». Сборник

Что чувствуют родители, когда их детям грозит суд? Что чувствуют дети, когда родители уходят? Почему вдруг возникает ненависть между любящими сестрами и сколько лет требуется для примирения? И самый важный вопрос — возможно ли простому человеку прожить вне политики и госструктуры и сохранить внутреннюю свободу? Обязательно ли для этого менять страну?

На эти и другие вопросы автор пытается ответить хотя бы себе в повести «Как он будет есть черешню?» и романе «Без труб и барабанов».

Интернет-магазин gorodets.ru

Читайте книги ИД «Городец»

Владимир Шпаков
«Пленники амальгамы». Роман

Разум всегда готов впасть в кошмарный сон, рождающий чудовищ. И этот сон в романе Владимира Шпакова «Пленники амальгамы» становится явью. Главный герой произведения — его величество Безумие, представленное в самых разных ипостасях. Своим крылом Безумие задевает каждого персонажа; перед каждым ставит зеркало, где отражаются изувеченные и искореженные души. Метаморфозы, которые претерпевают эти души, необычны, фантастичны, они выламываются из рамок обыденности и привычной логики. И в то же время говорят что-то важное о нас, здравомыслящих представителях рода человеческого...

Интернет-магазин gorodets.ru

Читайте книги ИД «Городец»

Мария Малухина
«Минимум багажа». Сборник

Двадцатисемилетняя Аля — переводчик-фрилансер и преподаватель английского — приезжает в Болгарию вместе со своим бойфрендом Гошей отдохнуть. В один жаркий летний день прямо на пляже Аля принимает решение, которое изменит ход ее жизни, — она бросает Гошу и отправляется в путешествие, в свой собственный «анабазис» — прочь от моря, вглубь страны. Аино путешествие — это побег, ей кажется, что она спасается от новых людей и обстоятельств, но на деле лишь убегает от самой себя.

Интернет-магазин gorodets.ru

Читайте книги ИД «Городец»

Светлана Вяткина
«Возвращение». Роман

Действие романа «Возвращение» начинается в 1910 году, в поволжском имении Благодатное. В центре повествования судьба русского дворянина, студента, затем офицера Юрия Назарова, волею рока оказавшегося в Европе в качестве бездомного мигранта.

В 1916 году из патриотических побуждений Юрий бросает учебу в университете и уходит добровольцем на фронт. После революции, не желая участвовать в гражданском кровопролитии, он покидает Отечество.

«И пусть наша одиссея начнется с мечты о возвращении, потому что когда уезжают, зная, что больше никогда не вернуться, — это бегство», — говорит своему товарищу по оружию Назаров. Он еще не знает, что его скитания по Евразийскому континенту затянутся на долгие годы, полные лишений и потерь.

Но, шаг за шагом отнимая у Юрия практически все, судьба не в силах забрать главное — возвращение в «объятия Отча».

Интернет-магазин gorodets.ru

Литературно-художественное издание

Альбина Гумерова

ПЕРЕД СОЛНЦЕМ В ПЯТНИЦУ

Сборник

Редактор Б. Геласимов

Корректор О. Шепитько

Компьютерная верстка Е. Климентьевой

Дизайн обложки А. Геласимовой

Фото Альбины Гумеровой — Сергей Циханович

Подписано в печать 06.11.2020. Формат 60×90/16

Печ л. 17. Гарнитура «Alegreya».

Тираж 1000 экз. Заказ

«Издательский дом “Городец”»

105082, г. Москва, Переведеновский пер., д. 17, к. 1

www.gorodets.ru, e-mail: info@gorodets.ru

тел.: +7 (985) 8000 366

Альбина Гумерова — прозаик, драматург, актриса. Родилась 8 мая 1984 года в Казани. Окончила Казанское театральное училище, Литературный институт им. А.М. Горького и ВГИК по специальности «кинодраматургия». Публиковалась в журналах «Идель», «Русское эхо», «Странник», «День и Ночь», «Урал», «Звезда» и других. Финалист премии «Дебют-2013» в номинации «малая проза», лауреат премии им. В.П. Астафьева в номинации «проза» за повесть «Кройка и житьё». Автор книги «Дамдых», вышедшей в серии «Ковчег» (ИД «Городец», 2019).

www.gorodets.ru

ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ДОМ

ГОРОДЕЦ

ISBN: 978-5-907220-85-0

9 785907 220850

Героев книги «Перед солнцем в пятницу» объединяет надежда на лучшую жизнь, все они так или иначе стремятся к счастью, внутреннему покою, гармонии, которых достигают не столько путем улучшения внешних обстоятельств, сколько благодаря работе души. «Чтобы жить, чтобы сберечь в себе Человека, нужно заставить душу работать, даже пахать!» — говорит Альбина Гумерова, напоминая нам: душа красива у всякого, душа способна на чудо, на великие перемены. Только мы забыли об этом. Не желаем думать, чувствовать, любить, принимать, смиряться, помогать ближнему — и потому глубоко несчастны...

И даже если в четверг не будет дождичка, то в пятницу непременно выглянет солнце, и жизнь, какой бы она ни была — уже сама по себе прекрасная, — обязательно продолжится.

«Альбина оказалась одной из самых талантливых студенток в моем семинаре — очень чуткая, нервная, ни с кем не согласная. Не похожая ни на кого. Училась жадно, торопливо, стремительно, всегда свое мнение, свой взгляд, свое слово. Не вдоль, а поперек. И такой же поперечной была ее проза. Упорства, воли в этой маленькой, хрупкой, большоглазой татарской девочке оказалось так много, что в пору было с кем-нибудь поделиться. Но она не из тех, кто делится. Все у нее идет в ее жизнь, в ее книги, в ее судьбу — напрямую, бережно, с любовью, нежностью и злостью. Прочтите — не пожалеете».

Алексей Варламов, писатель, ректор
Литературного института им. А.М. Горького